

стырю предлагалось передать «гошпиталю», «также в каждом епархии столичном (городе — А.К.) по одному монастырю на богадельню» (Там же. Л. 14.).

³⁷ Там же. Л. 14 — 14 об.

³⁸ Там же. Л. 15 — 15 об.

³⁹ Там же. Ф. 168. Оп. 1. Д. 231. Л. 16.

⁴⁰ Там же. Л. 16 об. — 28.

⁴¹ Там же. Госархив. Разряд 10. Оп. 3. Д. 433. Л. 17 об. — 18.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 24 — 25 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 45. Д. 392. Л. 3 — 3 об.; *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905. С. 48 — 51.

⁴⁶ *Никольский Н.М.* История русской церкви... С. 146 — 147.; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. II. С. 254 (здесь неточно указана цифра — 991761 душ м.п., переданных под управление Коллегии экономии).

О.А. Мельчакова

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В НИЖНЕТАГИЛЬСКОМ ГОРНОЗАВОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

В отечественной литературе, освещающей историю частных горнозаводских комплексов Урала XVIII — начала XIX в., как правило, не рассматривается сложившаяся в них система судопроизводства¹. Предпринятое мною исследование является первой попыткой охарактеризовать деятельность институтов, осуществлявших судебные функции по отношению к населению, обслуживающему частные металлургические мануфактуры Урала. При отмечаемой в литературе однотипности структуры управления хозяйствами уральских горнозаводчиков², изучение судопроизводства в одном из них — Нижнетагильском, позволит составить представление о механизме регулирования проблем, возникавших в сфере правовых отношений и в других горнозаводских комплексах Урала.

Нижнетагильское хозяйство Демидовых второй половины XVIII — начала XIX в. представляло собой как производственную, так и социально-экономическую единицу, которая обеспечивала жизнедеятельность зависимого от заводов населения. Управленческий аппарат заво-

дских контор осуществлял разнообразные функции в сфере социальной регуляции: обеспечение населения продовольствием, организацию его медицинского обслуживания, подготовку кадров служащих, осуществление административно-полицейского надзора, а также суда и расправы.

Главная Нижнетагильская заводская контора в исследуемый период являлась той инстанцией, в которой производилось судебное разбирательство гражданских дел, возникавших в связи со ссорами, тяжбами, должностными проступками жителей подведомственных ей заводских поселков. Возглавлявшие ее приказчики выступали как в роли следователей, рассматривавших дела, так и в роли судей, определявших виновных и выносивших приговоры о том или ином виде наказания. При этом они руководствовались инструкцией Н.А. Демидова от 1 ноября 1762 г., в которой заводовладелец предписывал им наказывать заводских жителей за мелкие провинности при заводе, а не отправлять в Екатеринбургскую заводскую канцелярию, отрывая от работ³. Отдавая это распоряжение, Никита Акинфиевич лишь заимствовал практику судопроизводства, сложившуюся на казенных горных заводах. Он брал за образец повторявшееся в законодательных актах предписание управляющим казенными мануфактурами: «Случающиеся между нижними служителями, заводскими людьми и крестьянами малые распри и друг другу обиды, не тяжкому осуждению подлежащие, разбирать на словах и виновных наказывать, дабы за пространством маловажных и легкому осуждению подлежащих дел письменным приказным производством не было напрасного канцелярских дел умножения и медления в горных и заводских управлениях»⁴. Из двух аргументов, которые приводились в такого рода указах в пользу «домашнего судопроизводства», — «сокращение письмоводства» и ускорение сроков рассмотрения дел мастеровых и работных людей, «не имеющих времени ходить по судам за своими делами», — Н.А. Демидов, безусловно, разделял второй⁵.

Жители Нижнетагильских заводов обладали правом подавать прошения в Главную заводскую контору. В должностные обязанности ее приказчиков входил прием жалоб и расследование возникавших в связи с ними дел. Н.А. Демидов неоднократно напоминал нижнетагильским приказчикам, что все прошения должны подаваться в Главную заводскую контору, а не в Петербургскую домовую или лично ему. За нарушение этого приказа предусматривался штраф и отказ в рассмотрении и удовлетворении просьбы⁶. Изменение этого порядка допускалось лишь в том случае, если кто-либо «будет в контору подавать дельную просьбу и от конторы не получит удовольствия». В этой ситуации проситель полу-

чал право жаловаться на главного приказчика Нижнетагильской конторы, апеллируя к заводовладельцу⁷.

В соответствии с предписанием Н.А. Демидова, содержание каждого поступившего в контору прошения должно было кратко («сентенцией») излагаться в особом «реестре». Копии последнего с указанием наложенных на прошения резолюций нижнетагильских приказчиков высылались в главную домовую контору⁸.

В 1806 г. Николай Никитич Демидов внес некоторые изменения в этот порядок регистрации прошений. Он отдал распоряжение о ведении в Нижнетагильской конторе «шнуровой книги» для записи «письменных и словесных» прошений. Ведущий книгу писарь должен был кратко изложить суть просьбы, а «полицейщику» вменялось в обязанность изложение обстоятельств дела и принуждение ответчика к предоставлению письменного объяснения по его делу. Приказчикам следовало выносить «решительное определение» и объявлять его подателю прошения. Последний должен был расписаться в книге, удостоверяя, что он удовлетворен решением конторы. Приказчикам Нижнетагильской конторы было предписано ежемесячно информировать заводовладельца о их деятельности в сфере судопроизводства, отсылая в Петербургскую контору выписки из вышеназванной книги⁹.

Значительную часть рассматривавшихся в Главной заводской конторе дел составляли имущественные споры¹⁰. Одна из такого рода тяжб возникла в 1800 г. между нижнетагильским жителем Ф. Пелевиным и его отделившимся сыном Г. Пелевиным по поводу раздела денег.

Н.Н. Демидов, получив сведения о деле Пелевиных, распорядился решить его «третейским судом»¹¹, «при посредстве от конторы (Нижнетагильской. — О.М.) надежного человека, то есть одного из приказчиков и одного из первостатейных людей». Но приказчики затянули разбирательство дела. Узнав об этом, разгневанный заводовладелец приказал рассмотреть тяжбу в течение семи дней под угрозой снятия виновных в просрочке с занимаемых должностей¹².

Учитывая многочисленность возникавших между заводскими жителями тяжб о разделах имущества, Николай Никитич в 1806 г. установил так называемое «домашнее правило», т.е. определенный порядок рассмотрения Главной заводской конторой дел о наследовании имущества¹³. В соответствии с «правилом», любой заводской житель, изъявивший желание усыновить приемного ребенка и сделать его наследником своего имущества, должен был обратиться в Нижнетагильскую контору с прошением по этому поводу, заверенным подписью просителя, а также его

родственников. Окончательное решение вопроса об усыновлении передавалось на усмотрение нижнетагильских приказчиков.

Согласно «правилу», Главная заводская контора должна была также выступать в роли «опекунского начальства» по отношению к малолетним наследникам умершего заводчанина. Приказчикам конторы вменялось в обязанность совместно с мирским правлением¹⁴ назначать двух опекунов (одного — из числа родственников наследников, другого — из старшин мирского правления), которым поручался надзор за тем, как распоряжается имуществом умершего его вдова. «Правилом» предусматривалось, что, в случае расточительства вдовы, контора и опекуны могли передать право распоряжения имуществом другим лицам до совершеннолетия наследников¹⁵.

Наряду с регламентацией наследственных прав мастеровых и работных людей, заводовладелец осуществлял вмешательство и в их брачно-семейные отношения.

С начала XVIII в. в России сложилось специфическое условие вступления в брак — согласие со стороны того начальства, в ведении которого находился данный индивид в соответствии со своим социальным статусом¹⁶.

Реализуя свое право на регламентацию частной жизни горнозаводского населения, владельцы Нижнетагильских заводов запретили заводским жителям выдавать дочерей замуж «в посторонние места». Виновных в нарушении данного запрета отцов заковывали в заводских конторах в цепи, выстригали у них волосы, а затем принуждали выполнять одну из самых тяжелых заводских работ — «поддоменную»¹⁷. Некоторых из них в качестве наказания переводили на другие заводы Нижнетагильского комплекса¹⁸.

Документы инструктивного характера, исходящие от заводовладельца, нацеливали приказчиков Главной заводской конторы прежде всего на организацию экономически рентабельного функционирования производственного механизма подведомственного им заводского комплекса. В связи с этим их первоочередной обязанностью становилось обеспечение высокой производительности труда мастеровых и работных людей. Им следовало пресекать всякие попытки уклониться от заводских работ, нарушить производственную дисциплину, посягнуть на заводское имущество или какую-либо собственность заводовладельца и т.п. В «Положении для Заводских Судов», составленном графиней Строгановой в ноябре 1821 г., к числу проступков («вин») заводских работников, подлежащих рассмотрению в «Заводских Расправах», были отнесены:

- «1) упущение по заводским работам;
- 2) утрата заводских вещей;
- 3) неповиновение к начальникам;
- 4) учинение драки и пьянства;
- 5) потаенное похищение чужой вещи»¹⁹.

«Отбывание от заводских работ» влекло за собой телесные наказания вицами, выстрижение волос, перевод в «литухи» при домне²⁰. Предписанием от 20 августа 1785 г. Никита Акинфиевич Демидов предоставил приказчикам Нижнетагильской конторы право отдавать в рекруты «из заводских жителей плутов, ленивцев и отбывающих побегам от заводских работ»²¹.

Наказаниям подвергались молотовые мастера, допускавшие перерасход чугуна и угля. С них взыскивался денежный штраф «за угар»: по 40 копеек за каждый короб угля и по 20 копеек — за каждый пуд чугуна, израсходованные сверх нормы²². Кроме того, провинившихся мастеров на определенный срок переводили в подмастерья или работники²³.

«За неисправно зделанное железо» приказчики нередко принуждали мастеров и подмастерьев к осыпке угольных куч (по одной куче каждому из провинившихся)²⁴ или даже к содержанию под арестом в цепях²⁵.

За кражу заводской продукции, как правило, приговаривали к наказанию плетью или к какому-либо иному виду телесного наказания²⁶.

В случае обнаружения недостатка перевозимого возчиками угля угольные приемщики, записчики и молотовые уставщики выплачивали денежный штраф, возмещающий утерянное²⁷. Куренные надзиратели покрывали из своего кармана недостачу куренных дров²⁸ и т. п.

Не оставалось безнаказанным и злоупотребление вином. Н.А. Демидов, пытаясь искоренить пьянство в среде заводского населения, в 1782 г. распорядился применять самые жестокие меры по отношению к пьяницам, наказывая их, «кто б какого звания не был, определением в поддоменные и другие подобные тому работы или же отлучением от домов на другие ... заводы, к определению в работы ж временно, на месяц или на два»²⁹.

Роль низшего звена в системе управления Нижнетагильским горнозаводским комплексом играли органы мирского самоуправления — мирские избы. В сохранении общинной организации наиболее ярко проявлялась генетическая связь мастеровых и работных людей с крестьянством.

Жители заводского поселка составляли «мир». Ежегодно собирались мирские сходы, на которых избирались старосты, сотники, десят-

ники, сборщики денег, писчики³⁰. В литературе отмечено, что состав представительных органов и крестьянского, и заводского мира формировался из среды «прожиточных» («лучших», «первостатейных») людей³¹.

Приказчики заводских контор рассматривали мирских выборных как подотчетных им должностных лиц. Представители «мира», наряду с заводскими служащими, получали от контор документы инструктивного характера, очерчивающие круг их обязанностей не только по отношению к заводчанам, но и по отношению к заводской администрации. Именно об этом свидетельствует ордер Лайской заводской конторы, адресованный избранному на 1749 год сотнику Д. Решетникову. Этим документом новоизбранному сотнику и десятникам предписывалось не только осуществлять полицейский надзор за жителями завода, но и дать подписку в том, что «ежели случатся от конторы приказные дела, то во всем... Лайской конторе быть послушну...»³².

Заводское население негативно оценивало процесс трансформации органов мирского самоуправления в своеобразный придаток заводских контор и низведение представителей «мира» до роли исполнителей воли приказчиков. В прошении, поданном мастеровыми и работными людьми А.А. Вяземскому в 1763 г., челобитчики жаловались на то, что их выборные «к мирскому делу в старосты и сотники...обращаются по приказанию прикащиков более при Нижнетагильской заводской конторе, а не в земской мирской избе». Они писали: «те наши мирские выборы прикащиками ни во что вменяются, и за тем от оных за не отпуском в земскую избу защищения никакого себе не имеем»³³.

Заводской «мир» не только оплачивал деятельность своих выборных, но и нес ответственность за них перед заводской конторой и заводовладельцем. В частности, недостаток денег, обнаруженный у сборщиков мирских податей, возмещался взысканием недостающей суммы не только с непосредственного виновника растраты, но и со всего «мира»³⁴.

Н.А. Демидов предпринял попытку использовать мирскую организацию в качестве своеобразного противовеса злоупотреблениям заводской администрации. В его предписаниях главным приказчикам Нижнетагильской конторы было изложено требование обеспечить участие представителей «мира» в процедуре ежегодного ревизования деятельности сборщиков мирских денег³⁵. Но заводские приказчики уклонялись от выполнения распоряжения Никиты Акинфиевича. Обвиненный в 1793 г. в крупной растрате мирской сборщик денег М. Бердников, обращаясь с прошением к Н.Н. Демидову, обвинил Нижнетагильскую контору в том,

что она отказала ему в просьбе провести ревизию его деятельности (произвести «счет») «при мирских первостатейных людях». Отвечая на это обвинение, нижнетагильские приказчики мотивировали свои действия тем, что, по их мнению, «мирские люди мужики простые, приглашаться к щету не принадлежат...»³⁶.

В 80-х гг. XVIII в. Н.А. Демидов внес изменения в сложившуюся ранее процедуру назначения кандидатов на вакантные должности в управленческом аппарате Нижнетагильских заводов. В 1760-х — 1770-х гг. право выбора и назначения заводских и караванных служителей было предоставлено заводовладельцем «большому общему собранию» всех заводских приказчиков. Обосновывая правомерность этого порядка комплектования служительского штата, Никита Акинфиевич исходил из того, что приказчиков, с его точки зрения, можно было рассматривать как представителей всего населения Нижнетагильского заводского комплекса и поэтому отождествлять решение «большого собрания» приказчиков с «выбором» всего «заводского мира»³⁷.

С начала 1780-х гг. по распоряжению Демидова к выборам служителей начали привлекать «лучших» заводчан. В 1780 г. Никита Акинфиевич приказал провести выборы расходчика Нижнетагильской конторы при участии трех-четырёх человек из «лучших» заводских жителей. Этот порядок организации выборов было предписано соблюдать и при избрании расходчиков других заводов Нижнетагильского комплекса. Интересы «мира» на этих выборах должны были представлять заводские жители, избранные из расчета: по 3 человека от каждой сотни, в том числе по одному — «из лучших, средних и самых неимущих»³⁸.

Новый порядок выборов служительского персонала позволял заводовладельцу в полной мере использовать принцип поручительства «заводского мира» за избранного при участии его представителей служащего. Кроме того, этот порядок избрания на должность подстраховывал на случай «ропота», т.е. недовольства заводчан действиями выбранных должностных лиц заводской администрации.

Управлявшие Нижнетагильскими заводами после смерти Н.А. Демидова опекуны А.В. Храповицкий и Н. Дурново ориентировали главных заводских приказчиков на соблюдение введенных Никитой Акинфиевичем принципов подбора и назначения управленческого персонала заводских контор. Они предписывали производить выбор кандидатов на должность приказчика или служителя при обязательном участии «первостатейных заводских жителей». Когда в октябре 1789 г. возник вопрос об избрании приказчика Нижнетагильской конторы, Н. Дурново потребовал избрать шесть кандидатов на вакансию, пригласив

сив на выборы «из заводских жителей и мастеровых людей... лучших и надежных к тому людей человек двенадцать»³⁹.

Т.о. к концу XVIII в. наметилась тенденция к сосредоточению функций управления в руках «первостатейных» заводчан. Именно состоятельные заводские жители избирались в органы мирского самоуправления, именно они, представляя все «заводское общество», оказывали влияние на выбор должностных лиц заводской администрации, именно из их среды назначались заводские управители и приказчики.

Указанная тенденция получила дальнейшее развитие в начале XIX в. Побывав на своих заводах в 1806 г., Н.Н. Демидов распорядился заменить мирского выборного Илью Белохохлова лицом, не только «общую доверенность заслуживающим», но и «имеющим на всякий непредвиденный случай собственной достаток»⁴⁰. Избрание этого представителя «мира» заводовладелец поручал первостатейным заводским жителям. Жакиточным заводчанам было предоставлено также право «избрать между себя из самых лутчих первостатейных людей шестнадцать человек старшин». Избранные старшины и мирской выборный должны были составить «мирское правление», подотчетное приказчику Нижнетагильской конторы Ивану Густомесову⁴¹.

Кроме традиционно выдвигаемой на первый план фискальной функции, создаваемому по приказу Николая Никитича новому органу мирского самоуправления вменялось в обязанность «разбирать случающиеся между заводскими людьми споры, ссоры и денежные претензии», вынося оформленные в письменном виде решения и представляя их в Нижнетагильскую контору⁴².

Давая судебные полномочия «мирскому правлению», Н.Н. Демидов руководствовался законодательными актами начала XIX в., регламентировавшими судоустройство и судопроизводство на казенных горных заводах, в частности, Проектом Горного положения 1806 г., предписывавшим подвергать государственных мастеровых и работных людей «по делам между собою судьям словесным, избранным по собственной их воле и выбору»⁴³.

Взяв за основу Проект Горного положения, Николай Никитич реализовал на принадлежащих ему заводах и другое требование, содержащееся в этом документе: предоставить горнозаводскому населению «право разбираться судом третейским»⁴⁴. Он разработал «правила для домашних разбирательств в согласность третейских судов». В соответствии с ними, при возникновении спорного дела между заводскими жителями истцу следовало подать в заводскую контору прошение (говоря современным языком, — исковое заявление), изложив в нем обстоятель-

ства дела и назначив «к своему оправданию и защищению несколько человек из жителей, именно из того же звания людей, в котором сам проситель, например, торгаш — из торгашей, углепоставщик — из углепоставщиков, каковых назначить может до шести человек»⁴⁵.

Представители заводской конторы должны были зарегистрировать факт поступления прошения, изложив его содержание в специальном журнале, а затем, пригласив истца и ответчика, предпринять попытку примирить их. В случае отказа от примирения тяжущихся следовало пригласить в помещение «мирского правления», члены которого предлагали ответчику «назначить запискою на свою сторону к своей защите посредников, столько же человек, сколько и от просителя будет назначено, и из своего состояния». Затем «мирское правление» назначало день и час рассмотрения дела и ставило в известность об этом обе стороны при помощи «рассыльщика».

Разбор дела производился в присутствии членов «мирского правления» и состоял в том, что «мирской выборный» зачитывал прошение и излагал содержание дела, затем посредники должны были, «сообщась все вместе...выводить между собой правости или вины спорящихся» и уличать виновного «доказательствами» и «свидетельствами письменными или словесными». О вынесенном решении старшинам и посредникам следовало сообщить приказчикам заводской конторы, которым поручалось накладывать на него свою резолюцию⁴⁶.

В сферу компетенции третейского суда Н.Н. Демидов включил и те спорные дела, ответчиками в которых являлись приказчики заводских контор. Процедура судопроизводства при рассмотрении такого рода дел не изменялась, а посредники избирались «из лутчих первостатейных жителей»⁴⁷.

Николай Никитич не называл конкретно те злоупотребления заводских приказчиков, которые могли стать предметом расследования третейских судей. Графиня Строганова, более детально разработавшая свое «Положение для учреждения третейского суда», предназначенное для применения в принадлежавших ей поместьях, определила круг злоупотреблений управляющих заводами и соляными промыслами, бурмистров и приказчиков, подлежащих разбору третейским судом. По ее мнению, население могло обвинить названных должностных лиц «в невыдаче своим подчиненным положенного, в худых с ними поступках, в отягощении их излишними работами или поборами, или неуравнении податей»⁴⁸. По-видимому, подсудность приказчиков третейским судьям рассматривалась и Демидовым, и Строгановой, как средство ограничения их произвола и должностных проступков.

При достаточно хорошо разработанной системе внутризаводского («домашнего») судопроизводства из сферы ее компетенции исключались лишь самые тяжкие уголовные преступления, а также те, которые затрагивали интересы «посторонних», т.е. проживавших за пределами территории заводских поселков Нижнетагильского комплекса лиц. Инструкция Н.А. Демидова Нижнетагильской конторе от 1 ноября 1762 г. предписывала препровождать обвиняемых в совершении такого рода деяний в Екатеринбургскую канцелярию Главного правления заводов. В этом случае забота о высланных в Екатеринбург заводчанах возлагалась на екатеринбургского стряпчего Нижнетагильской конторы, главная задача которого состояла в том, чтобы добиться сведения к минимуму срока отсутствия обвиняемых на заводах. Попечение Н.А. Демидова о жителях Нижнетагильских заводов выражалось в предъявляемом им требовании к стряпчему: ходатайствовать по их делам в местных судебных инстанциях, не останавливаясь в случае необходимости перед денежными расходами, под которыми прежде всего подразумевались взятки⁴⁹.

До начала 1780-х гг. реализация судебных функций Канцелярии главного правления заводов осуществлялись учрежденной в 1734 г. при Екатеринбургском заводе и созданной в 1743 г. в Кунгуре Конторами судных и земских дел. Эти инстанции осуществляли суд над всеми мастеровыми и работными людьми и приписными крестьянами «в делах персональных и земских, т.е. в долгах, брани, увечье, грабеже и тому подобных распрах», а также производили сыск беглых⁵⁰. Именно в этих учреждениях расследовались дела о беглых, оседавших на Нижнетагильских заводах⁵¹, по их приказу в заводские поселки высылались для поимки беглецов специальные команды во главе с офицерами.

Со времени создания в 1781 г. Пермского наместничества Нижнетагильские заводы вошли в состав Верхотурского уезда. На территории уезда была учреждена в качестве низшей судебной инстанции Верхотурская нижняя расправа, которая состояла из расправного судьи, назначаемого губернским правлением из чиновников, и восьми заседателей, избиравшихся из крестьян. Это учреждение рассматривало дела государственных и приписных крестьян до 1796 г.⁵²

Административно-полицейские функции охраны «благочестия, добронравия и порядка» в границах уезда должен был осуществлять Верхотурский нижний земский суд. В обязанности земского исправника и заседателей этого органа входило предварительное следствие на местах по мелким уголовным делам, надзор за своевременной уплатой податей и сборов, руководство проведением противопожарных и противо-

эпидемических мероприятий, наблюдение за тем, чтобы «в уезде никто беглых людей не принимал, не держал и не укрывал»⁵³.

В качестве апелляционной и ревизионной инстанции для нижней расправы выступала верхняя расправа, а для нижнего земского суда — верхний земской суд⁵⁴.

Решение хозяйственных вопросов на территории Пермского наместничества вошло в сферу компетенции Пермской казенной палаты.

Создание новых судебных инстанций означало изъятие права суда и расправы над государственными мастеровыми и работными людьми и приписными крестьянами у администрации казенных заводов и у владельцев частных. Казенная палата Пермского наместничества, ссылаясь на указ Екатерины II от 30 января 1781 г. пермскому и тобольскому генерал-губернатору Е.П. Кашкину, предписала Нижнетагильской конторе не наказывать «крестьян из казенного ведомства» и не вступать с ними в какие-либо споры, предоставляя разбор «маловажных дел» их выборным, а дел «большой важности» — нижней расправе. В тех заводских слободах, где проживали государственные мастеровые и работные люди, было приказано учредить волостные суды; надзор за их деятельностью поручался капитану-исправнику нижнего земского суда⁵⁵. Н.А. Демидов отреагировал на это сужение сферы его судебных полномочий распоряжениями о замене заводских служащих «из приписных к заводам...государственных крестьян» крепостными, аргументируя необходимость таких замен тем, что с государственных крестьян «в случае какого-либо упущения или же неисправности взыскивать иначе не можно, кроме как формальным судом...»⁵⁶.

Отличие правового статуса заводского жителя из числа государственных крестьян от статуса крепостного становилось наиболее ощутимым для заводовладельца в том случае, когда возникал вопрос о необходимости расследования преступлений заводского служителя или работника. Так в 1783 г. было обнаружено, что приказчик Верхне-Салдинского завода Балакин и расходчик того же завода Григорьев раздали значительную сумму денег подрядившимся в поставки угля и руды крестьянам в счет их будущей работы. Никита Акинфиевич распорядился удержать у виновных растраты половину жалования, а также конфисковать дом и имущество у являвшегося его крепостным Григорьева. Значительно сложнее было возместить ущерб, нанесенный демидовской «казне», за счет Балакина. По своему социальному статусу он был государственным крестьянином, поэтому какие-либо меры принуждения к нему мог применить только Верхотурский нижний земский суд. Никита Акинфиевич потребовал от нижнетагильских приказчиков немедленно

обратится в эту инстанцию с просьбой принудить Балакина «к збору тех розданных денег»⁵⁷.

Появление новых органов местного управления поставило вопрос о характере их взаимоотношений с администрацией Нижнетагильского заводского комплекса. Приказчики Главной Нижнетагильской заводской конторы предпочитали использовать в качестве наиболее эффективного средства завоевания расположения местных государственных чиновников вручение им взяток в той или иной форме.

Представители Верхотурского нижнего земского суда нередко выезжали в Нижний Тагил. Судя по выпискам из прихода-расходной книги Нижнетагильской конторы за 1788 — 1791 гг., «за разными следствиями» здесь неоднократно побывали: капитан-исправник Чураков, заседатели Федоров, Кирпьяшников, Чернобровин, Лосев. Они осуществляли взыскание невыплаченных в срок подушных денег, вместе с уездным землемером производили передачу купленных Н.Н. Демидовым у Строганова деревень (1792 г.), проверку составленных в связи с этой покупкой «отказных книг» (1794 г.) и т. п.⁵⁸.

Во время такого рода приездов чиновников из Верхотурья главные заводские приказчики не скупились на расходы — на их «потчивание и харч»⁵⁹, а также на презенты⁶⁰. Особенно щедрые подношения получал капитан-исправник Чураков. Ему не только почтительно вручали те или иные суммы денег, но и покупали для него в Москве те вещи, которые он изъявлял желание приобрести⁶¹.

К числу судебных дел, в благоприятном исходе которых был особенно заинтересован заводовладелец, относились дела о связях заводских жителей с беглыми людьми и их «укрывательстве» на заводах. В ходе проведения расследований подозреваемые в этих преступлениях мастеровые и работные люди препровождались в судебные учреждения для допросов, тем самым отрываясь от заводских работ. В случае доказанности их вины заводовладелец нес еще более ощутимые убытки, т.к. признанные виновными «подвергались под наказание с отсылкою в работу в отдаленные места»⁶². Кроме того, интересы заводчика, для которого беглые были своеобразным резервуаром рабочей силы, требовали приложения максимума усилий для того, чтобы обеспечить их закрепление за заводами.

Заинтересованность в благоприятном исходе судопроизводства по делам о «держании» беглых подталкивала владельца Нижнетагильских заводов к подкупу решающих эти дела чиновников. Николай Никитич ориентировал приказчиков Главной заводской конторы на исполь-

зование денежных средств для приведения расследований такого рода дел «к полезному окончанию без дальних последствий»⁶³.

Крайняя необходимость в «приказных расходах» возникала и при решении в государственных судебных учреждениях другой проблемы — возвращения беглецов с Нижнетагильских заводов. В 1788 — 1790 гг. в уездном суде и нижней расправе г. Екатеринбурга рассматривалось дело о побеге с Нижнетагильских заводов крестьян Опаницыных. Расследование завершилось вынесением решения о их возвращении на заводы. Чтобы «склонить присутствующих» суда и председателя расправы к этому приговору, екатеринбургский стряпчий Главной заводской конторы дважды вручал им взятки⁶⁴. Удачный исход этого судебного разбирательства был в значительной степени обеспечен и содействием председателя Пермской судебной палаты И.Д. Прянишникова, который получил от конторы 100 рублей в благодарность «за скорейшее и полезное решение о ... беглецах Опаницыных дела»⁶⁵.

Можно с достаточной долей уверенности предполагать, что в пользу администрации Нижнетагильских заводов заканчивались и те дела, которые рассматривались в Екатеринбургском уездном суде в 1791 — 1792 гг., в которых она выступала в роли одной из заинтересованных сторон. Основанием для этого утверждения являются обнаруженные мною сведения о том, что в августе 1791 г. и в марте 1792 г. председатель этого суда Гизеловский, заседатели и секретарь приняли взятки от Нижнетагильской конторы⁶⁶.

Подводя итог изложенному выше, отмечу, что на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве сложилась система «домашнего судопроизводства», включавшая в себя заводские конторы и органы представительства «заводского мира». Она позволяла оперативно производить суд и расправу над населением Нижнетагильского заводского комплекса. В конце XVIII — начале XIX в. все более обнаруживала себя тенденция к возрастанию роли зажиточных элементов в заводском управленческом аппарате и в органах мирского самоуправления.

Расследование уголовных дел заводских жителей, преступлений, затрагивавших интересы «посторонних», осуществлялось общегражданскими судебными инстанциями. Наиболее часто практикуемым нижнетагильскими приказчиками методом воздействия на чиновников этих учреждений был их подкуп. «Приказные расходы» позволяли владельцам Нижнетагильских заводов добиваться выгодного для них решения жизненно важных для эффективного функционирования заводского комплекса вопросов в местных судебных инстанциях, в частности, проблемы беглых.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мухин В.В. Уральская горнозаводская вотчина Всеволожских в первой половине XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1966; Чернявская Т.А. Горнозаводское хозяйство Лазаревых в крепостную эпоху (конец XVIII — первая половина XIX в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1968; Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1.

² Петровская И.Ф. Поместно-вотчинные архивные фонды XVIII — первой половины XIX в. (К вопросу о систематизации документов): Дис. ...канд. ист. наук. Л., 1955; Маханек К.С. Организация управления крепостными крестьянами в вотчинных имениях Урала //Из истории Урала. Свердловск, 1960.

³ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 17. Л. 404 — 404 об.

⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т.15. № 11185.

⁵ Там же. Т. 28. № 1460.

⁶ Как правило, попытки обратиться с прошением лично к Н.Н. Демидову, минуя Нижнетагильскую контору, заканчивались пересылкой челобитной нижнетагильским приказчикам и объявлением выговора подавшему ее лицу. См., напр.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 327. Л. 62—62 об.

⁷ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 75. Л. 106

⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 327. Л. 31 об.

⁹ В случае неграмотности просителя вместо него следовало подписываться «полицейщику» (см.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 381. Л. 67 об.).

¹⁰ См., напр.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 359. Л. 366, 381—382 об.

¹¹ Обычно третейский суд определяется как «суд третьего лица, суд посредника или посредников (в противоположность самосуду сторон), и притом лица частного (в противоположность суду государственному)» (энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. СПб., 1901. Т. 33. С. 772.)

¹² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 74. Л. 53 об. — 55; Д. 75. Л. 171 — 171 об.

¹³ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 379. Л. 9 — 9 об.

¹⁴ «Мирское правление» — орган мирского самоуправления, состоявший из одного выборного от «заводского мира» и 16 старшин. Он был создан по приказу Н.Н. Демидова в 1806 г.

¹⁵ При этом учитывался социальный статус умершего, а роль распорядителей его имуществом должны были играть люди «того сорта, в котором умерший был» (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 379. Л. 9 об.).

¹⁶ Развитие русского права второй половины XVII — XVIII вв. М., 1992. С. 153.

¹⁷ См., напр.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 329. Л. 52; ГАСО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 7. Л. 497; Ф. 643. Оп. 1. Д. 342. Л. 22; Д. 339. Л. 171 — 171 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Положение для Заводских Судов в поместьях графини Строгановой, урожденной княжны Голицыной, составленное самою помещицею в ноябре 1821 г./Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2. С. 154.

²⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 164. Л. 7.

²¹ Там же. Д. 263. Л. 88.

²² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 339. Л. 6 об.; ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 87. Л. 119 об.; Ф. 643. Оп. 1. Д. 342. Л. 237. В инструкции Н.А. Демидова Нижнетагильской конторе от 1 ноября 1762 г. (пункт 13) содержалось требование опытным путем установить норму расхода угля для молотовых мастеров, соотнести ее с нормой, введенной В.И. Генниным, и утвердив «препорцию», «мастеров в угле щитать» (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 17. Л. 397 — 397 об.).

²³ Там же. Ф. 620. Оп. 1. Д. 2. Л. 166 — 166 об.; Ф. 622. Оп. 1. Д. 158. Л. 367.

²⁴ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 95. Л. 17, 23.

²⁵ Там же. Л. 17.

²⁶ Там же. Д. 164. Л. 7. О размахе воровской деятельности «хищников железа» позволяют составить представление приходно-расходные книги заводских контор. См., напр., «Книгу на записку при Черноисточинском заводе прихода и расхода железа» за 1795 — 1796 г. (ГАСО. Ф. 622. Оп. 1. Д. 42. Л. 3).

²⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 339. Л. 3 об.

²⁸ Там же. Л. 9.

²⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 164. Л. 28.

³⁰ См. документы о выборах: сотников и десятников на Лайском заводе в 1749 г. (ГАСО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 5. Л. 484) и в 1750 г. (Там же. Д. 6. Л. 264); старосты, сотника, «сборщика подушных денег и прочих по раскладам мирских поборов» и писчика на Черноисточинском заводе в 1784 г. (Там же. Ф. 622. Оп. 1. Д. 11. Л. 11 об.).

³¹ *Рабцевич В.В.* Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775 — 1825 гг.) // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 145, 148; *Мамсик Т. С.* Общинное самоуправление и взгляд крестьян на «мирскую» должность (по материалам приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в.) // Там же С. 153; *Черкасова А.С.* Горнозаводские центры Среднего Урала в XVIII веке. (К вопросу о генезисе капиталистического города): Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1966. С. 255.

³² ГАСО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 5. Л. 484 — 485. Мирским выборным было вменено в обязанность ежемесячно представлять в заводские конторы рапорты «о неприеме и недержании» не имеющих паспортов «пришлых» и другие документы, что требовало от них грамотности и знания форм заводского делопроизводства. Поэтому в 1763 г. Н.А. Демидов предписал Нижнетагильской конторе не назначать «безграмотных» в мирские старосты, как и вообще «к делам» т. е. на какие-либо служительские должности (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 114. Л. 77).

³³ *Черкасова А.С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 207.

³⁴ В 1793 г. при «счете» сборщика «подушных и положенных на ме-дикаменты денег» с жителей Выйского и Лайских заводов М. Бердникова была выявлена недостача в размере 983 руб. 14,5 коп. Она была возмещена распродажей его имущества на 96 руб. 79 коп. и

сбором с заводчан 886 руб. 35 коп. (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 59. Л. 173 — 173 об.).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 173 об.

³⁷ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 114. Л. 136.

³⁸ Там же. Д. 222. Л. 41 об. — 43.

³⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 10. Д. 7. Л. 246.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 381. Л. 33 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 36.

⁴³ ПСЗ-1. Т. 29. № 22208.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 379. Л. 9 об.

⁴⁶ Там же. Л. 10.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Положение для учреждения Третьею Суду... С. 143.

⁴⁹ При этом предусматривалось, что заводчанин, на ведение судебного дела которого были истрачены «господские» деньги, возместит их в будущем соответствующей отработкой (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 17. Л. 404 — 404 об.).

⁵⁰ Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди... С. 128.

⁵¹ См., напр., сведения о подаче в 1768 г. в Контору судных и земских дел челобитной от графа Воронцова с требованием вернуть принадлежащий ему крепостных крестьян Карповых, бежавших в 1763 г. на Нижнетагильские заводы (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 661. Л. 3—4 об.; Д. 238. Л. 142 — 142 об.). Мною обнаружена копия челобитной А.Е. Мусина-Пушкина о его крепостных крестьянах, совершивших побег на те же заводы (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 277 — 278.).

⁵² ПСЗ-1. Т. 21. № 15281; Т. 20. №14392.

⁵³ Там же. Т. 20. № 14392.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ГАСО. Ф. 622. Оп. 1. Д. 8. Л. 86 об. — 87 об.

⁵⁶ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 263. Л. 48.

⁵⁷ Там же. Д. 253. Л. 74 об. — 75.

⁵⁸ Там же. Д. 1151а. Л. 58 об.; Оп. 3. Д. 1153а. Л. 36 об.; Д. 1155а. Л. 58 об.

⁵⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1151а. Л. 107 об., 176 об.; Оп. 3. Д. 1155а. Л. 82 об.

⁶⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1151а. Л. 37, 43 об., 58 об., 103 и след.

⁶¹ В сентябре 1790 г. покупка вещей для Чуракова обошлась в 50 руб., в марте 1791 г. — в 33 руб. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1151а. Л. 154, 201 об.).

⁶² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 327. Л. 30.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1151а. Л. 39 об., 172 об.

⁶⁵ Там же. Оп. 3. Д. 1155а. Л. 9.

⁶⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1151 а. Л. 215.; Оп. 3. Д. 1153а. Л. 1 об.